

Г. А. Павловец

*доцент кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Д. А. Быков

*курсант 3 курса
факультета криминальной милиции
Академии МВД Республики Беларусь*

О ПРОБЛЕМЕ КОПИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) активно используется понятие «электронный носитель информации». Учитывая, что данная категория в настоящее время более чем важна для деятельности органов, ведущих уголовный процесс, было бы целесообразно дать понятие данной категории и облачить в процессуальные нормы такое важное процессуальное действие, как копирование информации с электронных носителей.

Также в уголовно-процессуальной доктрине активно обсуждается вопрос о самостоятельности такого процессуального действия, как копирование информации с электронных носителей. Забегая вперед, стоит отметить, что, хоть данное процессуальное действие и имеет свое законодательное закрепление, авторам видится необходимым поднятие вопроса об определенном совершенствовании данной правовой нормы.

Анализируя законодательство стран постсоветского пространства, представляется важным отметить, что обозначенная проблематика характерна не только для нашего государства, но и для уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Республики Армения, Азербайджанской Республики и др.

Наибольший интерес с точки зрения копирования информации с электронных носителей информации представляет уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Так, 28 июля 2012 г. Федеральным законом № 143-ФЗ [1] в российское уголовно-процессуальное право введен термин «электронный носитель информации», а также предусмотрен ряд специальных правил, определяющих порядок хранения и изъятия данных, содержащихся на компьютере. Наиболее значительным нововведением данного нормативного правового акта стало появление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК Российской Федерации) [2] новой процедуры,

связанной с копированием цифровых данных на другой носитель информации для последующей его передачи законному владельцу. В дальнейшем Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [3] эта процедура была уточнена и дополнена.

В настоящее время, согласно ч. 2.1 ст. 82 УПК Российской Федерации, после производства неотложных следственных действий в случае невозможности возврата законному владельцу изъятых в ходе производства следственных действий электронных носителей информации содержащаяся на этих носителях информация копируется.

Отличительной особенностью процедуры копирования является то, что она проводится только по ходатайству законного владельца изъятых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации, то есть не является обязательной к производству без соответствующего заявления. Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации обязывает заинтересованное лицо предоставить свой собственный носитель информации для копирования и устанавливает участие при производстве данного процессуального действия специалиста, понятых и самого обладателя цифровых данных (либо же законного владельца электронного носителя). Законодатель также определил и место проведения копирования: подразделения органов предварительного расследования или суд.

Помимо этих условий, уголовно-процессуальным законом Российской Федерации предусматриваются некоторые меры предосторожности: при копировании информации должны обеспечиваться условия, исключающие возможность ее утраты или изменения, а передача сведений в электронной форме их законному владельцу не должна воспрепятствовать расследованию преступления. Ход самой процедуры копирования фиксируется путем составления отдельного протокола, что, по сути, дает основание утверждать о введении в УПК Российской Федерации нового процессуального действия.

В российской правовой доктрине ведутся споры о том, целесообразно ли признать копирование информации с электронных носителей новым следственным действием [4, с. 23], однако представляется, что такое высказывание является спорным, так как суть следственного действия заключена в получении новой информации, а электронные носители, с которых уполномоченные на то лица копируют информацию, делают это с уже изъятых и приобщенных к материалам уголовного дела носителей. Важно отметить, что рассматриваемое процессуальное действие направлено на обеспечение интересов законного владельца электронного носителя информации, которых он был принудительно лишен.

Таким образом, до введения в действие Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ [5] в УПК Российской Федерации существовали две правовые

нормы — ч. 9¹ ст. 182 и ч. 3¹ ст. 183 УПК Российской Федерации, согласно которым копирование информации с одного электронного носителя на другой допускалось в ходе обыска либо выемки и не оформлялось как отдельное процессуальное действие, но при этом в протоколе ставилась отметка об осуществлении копирования.

Однако в данных процедурах имелись значительные отличия. Так, если ч. 2.1 ст. 82 УПК Российской Федерации указывает на необходимость обеспечения условий, исключающих возможность утраты или изменения информации, независимо от того, кто должен сделать вывод о наличии таких условий — следователь или специалист, то ч. 9¹ ст. 182 и ч. 3¹ ст. 183 УПК Российской Федерации прямо указывалось на обязательное участие специалиста. Он в данном случае выступал как лицо, которое могло заявить о невозможности проведения копирования, так как оно способно привести к утрате или изменению значимых для дела сведений.

В такой ситуации представлялось, что обязательство привлекать специалиста к участию в обыске, в отличие от выемки, является спорным, ведь возложение обязанности на специалиста при производстве обыска или выемки заявить о возможности утраты или изменения информации по сути освобождает следователя от выполнения таких же обязанностей, если от специалиста не поступило соответствующего предупреждения. При этом в случае, когда копирование информации производится в качестве отдельного процессуального действия, обязанность обеспечить условия, не допускающие возможности внести изменения в компьютерную информацию, уже возлагается на следователя.

С вступлением в юридическую силу Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ [5] в УПК Российской Федерации была введена ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Согласно данной правовой норме, изъятие электронных носителей информации должно проводиться с обязательным участием специалиста, а осуществлять копирование информации с электронных носителей вправе сам следователь, что вытекает из буквального толкования ч. 3 ст. 164.1 УПК Российской Федерации, где специалист даже не упоминается. То есть можно заметить, что, несмотря на то, что законодатель вынес такие важные процессуальные действия, как изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации в отдельную статью, он не избавился от описанной выше проблемы.

Возвращаясь к уголовно-процессуальному закону Республики Беларусь, стоит отметить, что в нашем государстве вышеописанные изменения были введены законодателем гораздо позже. Данный институт был введен в УПК Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З [6], которым было

предусмотрено появление в ст. 204 части 3¹ [7], которая в целом повторяет общие положения ст. 164.1 УПК Российской Федерации.

По мнению автора, законодателю стоит прибегнуть к некоторым доработкам в рассматриваемой теме.

Так, в контексте обеспечения аутентичности сохранности полученных данных с электронных носителей видится целесообразным введение в ч. 3¹ ст. 204 УПК Республики Беларусь обязательного участия специалиста при изъятии электронных носителей информации и копировании данных из них. Такой шаг связан в первую очередь с тем, что электронные носители информации имеют свойства изменять информацию при работе с ними, недопущение чего требует специальных знаний в данной сфере.

Таким образом, подводя итог рассуждениям, необходимо отметить, что вопрос копирования информации с электронных носителей является актуальным и своевременным. Учитывая вышеописанную проблематику и предложения, видится необходимым на более глубоком теоретическом уровне осмыслить данную проблему, в том числе с учетом анализа подобного опыта в других государствах.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 29.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 28 июля 2012 г., № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 29 нояб. 2012 г., № 207-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 дек. 2018 г., № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Зуев С. В. Электронное копирование информации — регламентация в УПК // Законность. 2013. № 8 (946). С. 23. [Вернуться к статье](#)

6. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 85-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)